

ВАРИАТИВНОСТЬ ЛИЧНОГО ЗАКОНА ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА

VARIABILITY OF THE PERSONAL LAW OF AN INDIVIDUAL

Юлия Викторовна Блинова,

*доцент кафедры гражданского права
Алтайского государственного университета
(г. Барнаул),
кандидат филологических наук*

jblinova@yandex.ru

Ключевые слова:

личный закон, физическое лицо, апатрид, бипатрид, закон гражданства, закон места жительства, закон суда, принцип наиболее тесной связи.

Тенденцией развития современного международного частного права выступает смешанная система личного закона с закреплением одного правила в качестве генерального, а второго – в качестве субсидиарного, включая выведение некоторых аспектов из-под действия генерального правила. Автор приходит к выводу о широком диапазоне правил определения личного закона физического лица: закон гражданства, закон домицилия, закон места жительства, закон суда, принцип наиболее тесной связи. До сих пор личный закон физического лица остается практически не затронут принципом автономии воли сторон.

Keywords:

personal law, natural person, stateless person, bipatriate, lex patriae, lex domicilii, lex fori, principle of closest connection.

The trend in the development of modern private international law is a mixed system of personal law with the fixing of one rule as a general rule, and the second as a subsidiary one, including the removal of some aspects from the operation of the general rule. The author comes to the conclusion about a wide range of rules for determining the personal law of an individual: lex patriae, lex domicilii, the law of residence, lex fori, the principle of the closest connection. Until now, the personal law of an individual remains practically unaffected by the principle of party autonomy.

Ключевыми участниками частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, выступают физические лица. Для установления их правового статуса в этих отношениях используется личный закон физического лица, который определяется различным образом: истории известны случаи попеременного лидерства то закона гражданства, то закона домицилия, что было обусловлено «историческими, культурными, этническими, правовыми традициями соответствующих наций, народов и государств в целом» [1, с. 15]. Не останавливаясь на справедливо поднятой О.Н. Толочко проблеме терминологической избыточности (личный закон (личный статут) vs. закон гражданства / закон домицилия; иное мнение: А.Я. Аухатов, У.Г. Белькова [13; 2, с. 65; 7, с. 123]), отметим, что в современный период чаще всего в государствах одно правило закреплено в качестве генерального, а второе (или третье и т. д.) – в качестве субсидиарного, в том числе некоторые аспекты, на которые распространяется личный закон, выведены из-под действия генерального правила, что позволяет ряду ученых выделять так называемую смешанную систему личного закона [1, с. 15; 2, с. 69; 3, с. 104; 6, с. 149, 291; 7, с. 124]. Соответственно, смешанная система личного закона выступает тенденцией развития современного международного частного права, поскольку многообразие общественных отношений (в данном случае – дифференциация лиц) не позволяет их разместить в прокрустово ложе только одного правила [5, с. 192].

По точному утверждению Ю.Э. Монастырского, «никакой сравнимой по устойчивости третьей привязки найти невозможно, так как качество субъекта имущественного оборота производно либо от членства в гражданском обществе, подданства, выборных прав, либо от того, что субъект ввиду своей естественной и профессиональной деятельности связан с местом своего основного проживания. Исторически так сложилось, что в наиболее благоустроенных и процветающих экономических территориях был намеренно принят принцип места жительства как личный закон физического лица для удобства и стимуляции экономической свободы. В странах же, откуда уезжали, государства были заинтересованы в сохранении правовой связи и поэтому устанавливали привязку к гражданству физического лица» [9, с. 222]. Рассмотрим более подробно коллизионное регулирование правового положения физического лица.

В мировой практике наиболее употребительным правилом определения личного закона физического лица выступает закон гражданства (*lex patriae*), который распространяется, исходя из наименования, на граждан и носит экстерриториальный характер [6, с. 148]: согласно § 9 (1) Федерального закона Австрии от 15.06.1978 «личным статутом физического лица является право того государства, к которому лицо принадлежит» [10, с. 29]. Аналогичного подхода придерживаются законодатели Азербайджана, Албании, Алжира, Анголы, Армении, Бахрейна, Беларуси, Бельгии и других стран, в том числе России [10, с. 36, 42, 64, 70, 90, 100, 105-106, 112, п. 1 ст. 1195 ГК РФ]. Популярность закона гражданства не случайна, поскольку многие коллизионисты уже давно распознали преимущества этого правила: однозначность, объективность, стабильность,

формализованный характер, наиболее тесную связь, невозможность обхода закона [2, с. 67-68; 5, с. 191; 6, с. 149; 7, с. 125; 8, с. 6; 15, с. 231]. И действительно: кто как не государство, гражданином которого лицо является, знает лучше всех про его дееспособность, сделкоспособность, условия вступления в брак и прочее? С другой стороны, гражданство не так просто изменить одним своим намерением; суду же не требуется прилагать большие усилия, чтобы «привязать» лицо к какому-либо правопорядку, в случае если связи лица с таковым(и) минимальны, не очевидны.

В государствах с разветвленной системой коллизионного регулирования правового положения физического лица дополнительно дифференцируют случаи множественного гражданства, одно из которых отечественное, или без такового (например, Беларусь, Болгария, Казахстан, Россия и др. [10, с. 105-106, 151, 363-364, ст. 1195 ГК РФ]). В названных случаях идет отсылка к закону места жительства, национальному закону или принципу наиболее тесной связи, речь о которых пойдет ниже.

Закон домицилия (*lex domicilii*) носит территориальный характер [6, с. 148] и реализуется в двух вариантах: по смыслу общего права и по смыслу континентального права. Первый вариант распространен в качестве генерального правила (в противовес закону гражданства) в основном в странах англо-саксонского права, включает объективную и субъективную составляющие: фактическое проживание (*factum*) и намерение постоянно проживать в определенном месте (*animus*) [15, с. 192]. Попутно заметим, что сочетание *factum* и *animus* для домицилия чрезвычайно напоминает римский подход к владению, где для совершенного владения тоже требовались не только фактические, но и субъективные обстоятельства [12, с. 247], что в целом ставит под сомнение утверждения многих романистов об отсутствии рецепции римского права в англо-саксонских странах. Несмотря на очевидную процедурную сложность определения личного закона по домицилию, особенно в части выяснения намерения, например, уже умершего лица, все же целесообразно остановиться и на некоторых преимуществах этого варианта установления личного закона физического лица. По мнению Дж. Чешира и П. Норта, домицилий означает страну, в которой человек имеет свой постоянный дом, в то время как гражданство указывает в первую очередь политический статус человека; домицилий в отличие от гражданства может быть только один (в определенный период времени) и, наоборот, лицо не может остаться без домицилия; наконец, для некоторых государств с множественностью правовых систем (США, Британское Содружество и др.) гражданство не разрешает вопрос правового положения физического лица для целей частного права [15, с. 229-230].

Однако здесь необходимо частично возразить: неопределенность правового положения бипатрида может наступить только в случае, если суд рассматривает иностранных лиц с множественными иностранными гражданствами, поскольку для целей частного права отечественный законодатель и правоприменитель нередко игнорируют иностранное гражданство своего

гражданина, что не встречается в сфере публичного права (п. 2 ст. 1195 ГК РФ; § 9 (1) Федерального закона Австрии от 15.06.1978; п. 1 ст. 8 Закона № 10428 от 02.06.2011 о международном частном праве Албании; п. 1 ст. 1103 ГК Республики Беларусь; § 2.1 Закона от 16.07.2004 о введении в действие Кодекса международного частного права Бельгии; ст. 48 (2) Кодекса международного частного права Болгарии; п. 2 ст. 672 ГК Вьетнама и др. [10, с. 29, 42, 105-106, 112, 151, 253]). Иной подход, не устанавливающий приоритет отечественного правопорядка, зафиксирован, например, в Армении, Казахстане: «При наличии у лица двух и более гражданств личным законом считается право государства, с которым лицо наиболее тесно связано» (п. 1 ст. 1262 ГК Республики Армения, п. 1 ст. 1094 ГК Республики Казахстан [10, с. 90, 362]).

Второй вариант закона домицилия, чаще в формулировке «закон места жительства», употребителен в странах континентального права и иных как генеральное правило (Аргентина, Бразилия, Гватемала, Доминикана, Китай, Латвия, Литва и др.) или субсидиарное и включает только объективную составляющую. Например, в силу статьи 7 Закона о введении норм бразильского права «закон страны, в которой имеет место жительства лицо, определяет правила относительно начала и окончания правосубъектности, имени, дееспособности и семейных прав» [10, с. 190]. Как указано в пункте 2 статьи 8 Закона № 10428 от 02.06.2011 о международном частном праве Албании, «если иностранный гражданин имеет два и более гражданства, то применяется право государства гражданства, в котором это лицо имеет обычное место жительства» [10, с. 42]. Исходя из пункта 2 статьи 9 Закона Республики Азербайджан о международном частном праве «личным законом лица без гражданства является право того государства, в котором оно имеет постоянное место жительства» [10, с. 36]. Согласно позиции Н.И. Марышевой, закон места жительства также обладает стабильностью и устойчивостью в отношении лиц, не имеющих гражданства или имеющих два и более гражданств [цит. по: 8, с. 7]. Зачастую законодатели предлагают легальное закрепление понятия «(обычное) место жительства», противопоставляемое понятию «гражданство»: согласно статье 48 (7) Кодекса международного частного права Болгарии «под обычным местом жительства физического лица понимается место, в котором оно поселилось преимущественно жить, без того, что связано с необходимостью регистрации или разрешения на проживание или поселение» с учетом обстоятельств личного и профессионального характера лица [10, с. 151].

Привлекает внимание, что законодатели некоторых стран пошли еще дальше в дифференциации правил и выделили для апатридов, беженцев такие, как обычное местопребывание (§ 9 (2-3) Федерального закона Австрии от 15.06.1978, п. 3 ст. 10 Закона от 19.09.1996 о международном частном праве Лихтенштейна и др. [10, с. 29, 434]); для апатридов – место случайного проживания или даже место нахождения (п. 2 ст. 32 Гражданского кодекса Анголы; п. 2 ст. 31 ГК Восточного Тимора, п. 2 ст. 32 ГК Кабо-Верде и др. [10, с. 70, 245, 356]).

Субсидиарное применение закона суда (*lex fori*) для определения личного закона физического лица распространено, во-первых, на лиц с двумя гражданствами, одно из которых отечественное (так называемый национальный закон, см. выше примеры). Во-вторых, это правило служит апатридам без места жительства и беженцам (ст. 1015 Кодекса о лицах и семье Буркина-Фасо, ст. 5 Дахира от 12.09.1913 о гражданском статусе французских граждан и иностранцев во французском протекторате Марокко и др. [10, с. 196, 470]). Так, в силу выше указанной коллизионной нормы Буркина-Фасо «положение апатрида регулируется правом его места жительства всякий раз, когда последующие положения указывают на право гражданства; в отсутствие места жительства – правом суда» [10, с. 196]. При этом, как следует из анализа российского и зарубежного коллизионного законодательства, закон суда может регулировать все или некоторые аспекты сферы действия личного закона. В-третьих, закон суда в виде односторонней коллизионной нормы, в основе которой лежит правило закон места жительства, применяется к иностранцам с местом жительства в стране суда (п. 3 ст. 1195 ГК РФ): эта норма отражает стремление увязать применение принципа гражданства как основного принципа с территориальным принципом (указанием на место жительства). Кроме того, норма представляет собой изъятие из основного правила о применении права страны гражданства, причем она носит односторонний характер, поскольку речь идет о применении только российского права (Н.И. Марышева [цит. по: 4]). Сказанное согласуется с предложенной О.А. Красавчиковым теорией превращенной и приращенной правоспособности иностранного гражданина на территории России или другого правопорядка [11, с. 62].

Одновременно важно, чтобы иностранный гражданин проживал на территории Российской Федерации на законных основаниях – в противном случае дарования иностранцу права места жительства для регулирования его личного закона не произойдет, в необходимых случаях он по-прежнему будет рассматриваться по закону своего гражданства. В этой связи нельзя полностью согласиться с позицией Ю.В. Репниковой, полагающей, что «если юридическая личность иностранного гражданина, незаконно пребывающего на территории РФ, правовыми средствами не формализована, то это значит, что такого субъекта частного права в России нет и, соответственно, отсутствуют субъективные права и юридические обязанности конкретного физического лица, поскольку нет самого лица ... такое лицо не может быть субъектом международного частного права в связи отсутствия его юридической личности физического лица по российскому законодательству» [11, с. 62]. Говоря об обязательствах из договоров и односторонних сделок, очевидно, что заключение их лицом, незаконно находящимся на территории России, возможно в определенных случаях квалифицировать по статье 168 ГК РФ. Однако же в отношении деликтов, в которых такое лицо будет участвовать в качестве потерпевшего или причинителя вреда, представляется, такое лицо не исключено из субъектов международного частного права и при необходимости выяснения

личного закона лица, незаконно проживающего в Российской Федерации, будет применяться норма иная, чем пункт 3 статьи 1195 ГК РФ. Еще одним изъятием будет выступать, надо полагать, невозможность обращения к пункту 4 статьи 1219 ГК РФ.

Заслуживают внимания разные цели закона суда в части регулирования правового положения бипатрида-гражданина, иностранного гражданина с местом жительства за границей, с одной стороны, и апатридов, беженцев, с другой стороны: первый случай в содержательном плане близок нормам непосредственного применения, когда отечественный правопорядок ставится выше иностранного. Как пишет Е.Г. Белькова, «включение в законодательство императивных односторонних коллизионных норм отражает интересы государства в применении своего национального права, но затрудняет определение правопорядка, с которым физическое лицо наиболее тесно связано» [3, с. 105]. Второй же случай представляет, скорее, отголосок территориальной доктрины, но одновременно исключительное, резервное правило, не позволяющее оставить лицо в неопределенности по поводу его правового положения.

После эры жестких коллизионных норм наблюдается тенденция к увеличению гибкого коллизионного регулирования в целом, включая правовое положение физического лица [1, с. 10; 14, с. 105]. Соответственно, принцип наиболее тесной связи выступает еще одним субсидиарным правилом определения личного закона физического лица и применяется преимущественно к бипатридам, если законом не установлен приоритет одного из гражданств, мест жительства или при невозможности установить место жительства бипатрида, апатрида, беженца. Например, как следует из пункта 3 статьи 8 Закона № 10428 от 02.06.2011 о международном частном праве Албании, «если иностранный гражданин не имеет обычного места жительства в каком-либо из государств, гражданство которых он имеет, то для целей применения настоящего закона он считается имеющим гражданство государства, с которым он наиболее тесно связан [10, с. 42]. Или: «По смыслу настоящего кодекса личным статутом лица, имеющего статус беженца, и лица, которому предоставлено убежище, является право государства, в котором находится его обычное место жительства»; если последнее отсутствует, то применяется право государства, с которой лицо находится в наиболее тесной связи (пп. 5, 6 ст. 48 Кодекса международного частного права Болгарии [10, с. 151]).

Эпизодически в коллизионном законодательстве при определении одного из аспектов личного закона физического лица встречается вариант «закон наиболее благоприятного права», который применяется для защиты слабой стороны: несовершеннолетних, недееспособных, потерпевших (п. 3 ст. 1199 ГК РФ, п. 5 ст. 25 Договора между СССР и НРБ о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 19.02.1975, § 21 Федерального закона Австрии от 15.06.1978, § 32 Закона XXVIII от 2017 года о международном частном праве Венгрии и др. [10, с. 31, 212]).

Нетипичной разновидностью принципа наиболее тесной связи при определении личного закона физического лица стоит правило, сформулированное в статье 3519 ГК Луизианы: «Статус физического лица и связанные с ним вопросы, а также последствия такого статуса регулируются правом правопорядка, политико-правовые ценности которого были бы нарушены в наибольшей степени в случае неприменения его права к этому вопросу» [10, с. 447]. При нахождении этого правопорядка во внимание принимаются связи каждого правопорядка в любой релевантный момент времени со спором, сторонами; сохранение действительности принятых на себя добровольно обязательств, защите детей, иных лиц, поддержка семейных ценностей и стабильности. Как видно, данное правило функционально схоже с принципом наиболее тесной связи, но осложняется еще и категорией политико-правовых ценностей, на которые посягают, т.е. несет в себе деликтную составляющую.

Не все ученые радостно встретили принцип наиболее тесной связи (принцип эффективного гражданства или принцип эффективного места жительства) в качестве правила определения личного закона физического лица вследствие потенциального увеличения судебного усмотрения, непредсказуемости, недобросовестности [2, с. 70]. В итоге ввиду вышеназванных причин, а также сложной, времязатратной процедуры установления тесной связи сегодня во многих странах континентального права фиксируется спад интереса к этому принципу, но возрастает интерес к инициативе сторон (автономия воли), поскольку, как говорили римляне, *jura scripta vigilantibus sunt* (законы написаны для бодрствующих); потому приветствуется, чтобы стороны сами «управились» в тех сферах, где это разрешено, а в случае невозможности дается готовое правило выбора применимого права. Российский законодатель держит пока под запретом применение принципа автономии воли сторон к личному закону для бипатридов или иностранцев, проживающих на территории Российской Федерации [5, с. 193]; исключение сделано лишь в части выбора применимого права к условиям вступления в брак иностранцев-бипатридов (п. 3 ст. 156 СК РФ). Иные правопорядки, можно сказать, косвенно допускают выбор применимого права к личному закону через домицилирование лица в этом правопорядке.

Резюмируя сказанное, следует отметить широкий диапазон правил определения личного закона физического лица, начиная от закона гражданства / закона домицилия (закон места жительства) в качестве генерального правила и заканчивая законом места жительства, законом суда (национальным законом), принципом наиболее тесной связи в качестве субсидиарных. До сих пор личный закон физического лица остается практически не затронут принципом автономии воли сторон: в коллизионном законодательстве традиционно отсутствует прямое указание на возможность выбора применимого права; в зарубежных странах в основном автономия используется косвенно, путем релокации физического лица в государство, где принят *lex domicilii*.

Библиографический список

1. Базаев, Г.Б. Личный закон физического лица в международном частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г.Б. Базаев. – М., 2008. – 23 с.
2. Белькова, У.Г. Определение личного закона физического лица: цель и основные подходы / У.Г. Белькова // Гражданин и право. – 2010. – № 4. – С. 65-71.
3. Белькова, Е.Г. Правосубъектность граждан в международном частном праве / Е.Г. Белькова // Известия ИГЭА. – 2008. – № 4 (60). – С. 104-108.
4. Богуславский, М.М. Международное частное право : учебник / М.М. Богуславский. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2005 // СПС Гарант.
5. Борискин, В.В. Определение коллизионного принципа «личный закон физического лица» в международном частном праве России / В.В. Борискин // Право и практика. – 2019. – № 2. – С. 190-193.
6. Гетьман-Павлова, И.В. Международное частное право : учебник / И.В. Гетьман-Павлова. – М.: Юрайт, 2013. – 959 с.
7. Комментарий к разделу VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. И.С. Зыкин, А.В. Асосков, А.Н. Жильцов. – М.: Статут, 2021. – 665 с.
8. Маскаева, Н. Коллизионное регулирование гражданско-правового статуса физических лиц в Республике Беларусь (общие вопросы) / Н. Маскаева // Журнал международного права и международных отношений. – 2016. – № 1-2 (76-77). – С. 5-11.
9. Международное частное право : учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова. – М.: Статут, 2011. – 400 с.
10. Международное частное право. Сборник национальных кодификаций / сост. и ред. В. Плеханов. – М., 2021. – 1112 с.
11. Репникова, Ю.В. К проблеме правосубъектности иностранных граждан, незаконно пребывающих на территории России / Ю.В. Репникова // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 4. – С. 61-63.
12. Санфилиппо, Ч. Курс римского частного права : учебник / Ч. Санфилиппо ; под общ. ред. Д.В. Дождева. – М.: Норма, 2007. – 464 с.
13. Толочко, О.Н. «Личный закон» в международном частном праве: основополагающая категория или пятое колесо в системе коллизионного регулирования? / О.Н. Толочко // Веснік ГрДУ імя Я. Купалы. – 2016. – Серыя 4. – Том 6. Правазнаўства. – № 3. – С. 79-87.
14. Федосеева, Г.Ю. Принцип наиболее тесной связи и принцип наиболее благоприятного права применительно к регулированию трансграничных брачно-семейных отношений / Г.Ю. Федосеева // Lex russica. – 2006. – Т. 65. – № 1. – С. 103-115.
15. Чешир, Дж. Международное частное право / Дж. Чешир, П. Норт ; под ред. М.М. Богуславского. – М.: Прогресс, 1982. – 496 с.